

В декабре, за несколько дней до своего 90-летия, ушел из жизни выдающийся одесский врач, хирург, профессор Сергей Гешелин. Ученик Школы Столярского и Центральной музыкальной школы при Московской консерватории, студент Одесской консерватории, имея незаурядные музыкальные способности, мог бы стать известным пианистом. Но семейные гены взяли верх. Ведь будущий медик родился в семье потомственных врачей.

Дед – Исаак Соломонович Гешелин – был пионером ЛОР-службы в Украине. Он родился в 1853 году в немецкой колонии Гросслибенталь под Одессой. В 1875 году окончил медицинский факультет Киевского университета им. Святого Владимира (в Одессе медицинский факультет открылся лишь в 1900 году). Работал земским врачом, участвовал в русско-турецкой войне. А в 1886 году произошло важное событие не только в биографии деда, но и в отечественной медицине. Годом ранее Луи Пастер открыл способ изготовления антирабической вакцины и провел в Париже первые вакцинации против бешенства. Одесская уездная управа командировала земского врача Исаака Гешелина в Париж – для изучения методики изготовления вакцины и самой процедуры вакцинации. Газета «Одесский вестник» посвятила несколько номеров публикациям «Писем из Парижа» доктора И.С. Гешелина, в которых тот, набираясь бесценного опыта, рассказывал о встречах с великим Пастером. Благодаря этому опыту и усилиями Якова Бардаха и Николая Гамалеи в Одессе была открыта первая в России Пастеровская станция и положено начало обязательным прививкам при укусах животных. Спустя десять лет, в 1895 г., доктор Исаак Гешелин основал в Еврейской больнице стационарное отделение по лечению заболеваний уха, горла и носа и одним из первых хирургов начал выполнять сложнейшие ЛОР-операции. В семье сохранилась тонкая золотая пластинка размером в ноготь большого пальца, на которой выгравированы ухо и долото – главный инструмент трепанации и слова «Папа – Шура 1000». Эту пластинку Исаак Соломонович подарил своему сыну Александру в ознаменование выполненной им тысячной трепанации черепа.

В 1920 году, к 25-летию отоларингологического отделения была открыта мемориальная доска, увековечивающая имя основателя и первого заведующего отделением доктора И.С.Гешелина. А в 1925 году – к 50-летию врачебной и общественной деятельности дед был удостоен почетного звания Герой Труда. Редкий случай!

Его сын – Александр Исаакович Гешелин, – получив медицинское образование, работал в Москве и Петербурге, но вернулся в родную Одессу, заведовал

кафедрой и клиникой болезней уха, горла и носа Одесского медицинского института. В годы Великой Отечественной войны профессор Гешелин стал военврачом первого ранга. В 1941 году ему шел шестидесятилетний год. Но, считая недостойным оставаться в тылу, А.Гешелин добровольно обратился в военкомат, был мобилизован и направлен в распоряжение командования Северокавказской группы эвакуационных госпиталей, выполнял сложнейшие операции. Пригодилась общехирургическая подготовка, полученная в молодости

Врачи Гешелины

в Одесской городской больнице и в Петербургской клинике Военно-медицинской академии. С наступлением фашистов госпиталь эвакуировался вглубь страны. В Невинномысск раненные бойцы и врачи с семьями попали под страшный авианалет и под бомбежками выходили из вражеского окружения. Чудом выжили. Страшные воспоминания детских лет Сергей Гешелин сохранил на всю жизнь... В начале 43-го отца перевели в распоряжение медико-санитарного управления Московского военного округа. А с окончанием войны семья вернулась в Одессу, на пепелище: их дом на Пастера был разбомблен. Но это была уже мирная жизнь на родной земле.

Избран по примеру отца и деда медицинскую стезю, Гешелин-младший в 1956 году окончил Одесский государственный медицинский институт. Работал в Еврейской больнице, стал блестящим хирургом.

Спустя двадцать лет возглавил отделение онкологии в Онкодиспансере. Кандидатскую и докторскую диссертацию он защитил на рабочем месте. В 1982-м получил звание профессора, стал заведующим кафедрой факультетской хирургии Одесского медицинского института. И до последнего дня оперировал в госпитале и у себя в клинике Медина. Брался за самых тяжелых больных, которых не отваживались оперировать другие врачи. Лечил и учил до 85 лет. Профессор Гешелин состоял в Еврейской и Всемирной ассоциации хирургов-онкологов, правлении Украинского общества онкологов. Автор 250 научных работ в области хирургии, анестезиологии, реаниматологии и онкологии, выступал с лекциями в Японии, США, Франции. В 2000 году профессор Сергей Гешелин был удостоен звания Почетный гражданин Одессы и неоднократно включен в список 100 наиболее заслуженных граждан Одессы.

Увы, династия одесских врачей на Сергее Александровиче прервалась. Сын Юрий – океанолог. Внук Игорь занимается бизнесом. Живут и работают в Канаде. Память у любимом муже бережно хранит вдова Сергея Гешелина – Майя Сергеевна, с которой он прожил 23 года. При ее поддержке Сергей Александрович лет десять назад засел за мемуары. Получилась интереснейшая книга, срез эпохи, жизнь страны, города. Меня впечатлили страницы истории Одессы через призму семьи. Какие люди, какие имена, какая культурная и научная среда, духовные запросы! И в какое время! 20-й век был веком катаклизмов, войн, революций, эпохой испытаний и потрясений. И, как оказалось, авторитет, глубокие знания, почетные звания, опыт и умения врачей Гешелиных не гарантировали им безоблачной жизни в стране победившего социализма. Обратимся к страницам воспоминаний Сергея Александровича Гешелина.

– Мои студенческие годы пришлись на тяжелое для страны время. Впрочем, были ли у страны легкие времена? Но 1947-1953 были особыми. Страной управлял дряхлеющий Сталин и толпившиеся вокруг него «полувожди». Вождь терял свой мощный интеллект, но сохранял волею хватку. Эти годы ознаменовались сессией ВАСХНИЛ, завершившейся разгромом отечественной генетики. «Крестовый поход» на кибернетику нанес непоправимый урон всем фундаментальным и прикладным наукам. «Ленинградское дело» закончилось исчезновением Вознесенского и Кузнецова. Вскоре выяснилось, что оба не только отстранены от руководства, но и физически уничтожены. Пресловутая борьба с так называемым космополитизмом обернулась плохо замаскированной крупномасштабной анти-

семитской кампанией, достигшей пика во время чудовищного «дела врачей». Расползлись слухи, что на запасных путях уже стоят эшелоны, и евреям уготована судьба калмыков, чеченцев, крымских татар и других народов, на которых Сталин, по образному выражению Твардовского, «обрушил свой верховный гнев». Возможно, что от массового выселения в Сибирь евреев спасла смерть Сталина. Так это, или нет, не знаю. Но все эти вошедшие в историю страны кампании тяжелым катком прошли по личным судьбам людей.

В 1948-50 годах над отцом стали сгущаться тучи. В газете «Медицинский работник» появилась заметка «Кастовое общество». В ней отцу инкриминировали все грехи, которые только можно приписать председателю научно-практического общества. Автором заметки был профессор Дорошенко, известный врачебной общественности шарлатан и авантюрист. Маму заметка насторожила, но отец отмахнулся и не придал значения.

Вскоре появилась большая статья в «Правде Украины», которая громила безродных космополитов. Отец был упомянут в числе профессоров, нарочито плохо готовящих кадры и – цитируя дословно – «наносящих вред государству и народу». Запахло недавним страшным штампом «враг народа». Последующие события не заставили себя долго ждать. Комиссия за комиссией атаковали кафедру отца...

В то время приказами и инструкциями во всех лечебных учреждениях был введен так называемый «шадящий режим», который, по мнению чиновников, должен был играть роль важнейшего лечебного фактора. Шадящий режим обеспечивался табличками «Говорите тихо!», которые развешивались на стенах, писались масляной краской на плафонах светильников, стеклянных дверях...

В клинике уха, горла и носа, которой руководил отец, этих воззваний не было. Не потому, что отец был таким уж фронтдэром и нарочито не выполнял инструкции. Просто у сестры-хозяйки не дошли руки, а он во время не заметил. Когда председатель очередной комиссии грозно спросил: «Почему в клинике нарушается шадящий режим?», отец, желая разрядить обстановку, с юмором ответил: «Так ведь в моей клинике половина больных глухие». Бедный, наивный отец! Он предположил чувство юмора у членов комиссии, которые получили четкое указание убрать его с кафедры.

Вскоре состоялся Ученый совет Медицинского института, на котором зачитали приказ министра об освобождении отца от руководства кафедрой. В актах комиссий фигурировало все: и нарушение шадящего режима, и отсутствие подготовки кадров коренной национальности, и приверженность реакционному учению Менделя, Вейсмана и Моргана... Произошло это в 1951 году. Папу уволили. После почти 30 лет заведования кафедрой! Он не мог поверить в случившееся. Поехал к министру в Киев. Там сказали, что это компетенция Москвы. В Москве сказали, что они не вмешиваются в компетенцию украинского министерства. Круг замкнулся. Отец написал письмо Сталину. Тот не ответил. Тогда он отправил меня в Москву с письмом к председателю Всесоюзного общества отоларингологов академику Борису Преображенскому. Преображенский был кавалером пяти орденов Ленина, одним из организаторов Академии медицинских наук СССР и личным врачом Сталина. Борис Сергеевич уважительно относился к отцу, и папа был уверен, что тот употребит свое влияние и поможет ему.

Я прибыл в назначенное время и долго ждал. Преображенский пришел

поздно, был предельно утомлен. Осушившееся лицо, темные круги и мешки под глазами. «Осевшим» голосом спросил: «Так что с вашим батюшкой?» Я отдал папину письмо и вкратце изложил суть дела. Он удивленно и как-то даже обрадовано спросил: «Так значит Александр Исаакович дома? Передайте папе, что не надо предпринимать никаких шагов. Надо переждать. Желаю ему всего хорошего», – встал, вяло пожал мне руку и грустно улыбнулся.

Папа был потрясен таким ответом. Мама сказала: «Шура, его посадят». «Никогда!» – ответил отец. «Личного врача Сталина? Академика? Никогда!» Через 2-3 недели мир узнал об аресте группы «врачей-убийц», которые якобы назначали заведомо неверное лечение и умерщвляли видных деятелей партии и правительства; они были разоблачены врачом-патриотом Тимашук. Большинство арестованных носили фамилии, не оставившие сомнений в их еврейском происхождении. Преображенского в списке арестованных не было. После смерти Сталина СМИ сообщили, что врачи были оклеветаны, а обвинения сфабрикованы. Среди освобожденных врачей был и Борис Сергеевич Преображенский...

– Сергей Александрович был в душе ребенок, доброты невероятной, – вспоминала Майя Сергеевна Гешелина, с которой я встретила в один из холодных зимних дней. – Человек широкой эрудиции. Затрудняюсь сказать, чего он не знал и что не читал. Перед моими глазами проходила вся его жизнь. В мои студенческие годы он вел у нас практическую хирургию. Остроумный, легкий в общении, литературный язык, красивый, папка волос... Мы встречались в клинике, когда заболел Александр Исаакович, у друзей. А поженились в 1997 году, после того, как Сергей Александрович овдовел, а я похоронила сына. Мы поддержали друг друга в трудный период жизни. Это была большая любовь молодых уже людей, теплота, уважение и забота. 23 года мы были счастливы, жили здесь и сейчас и ничего не откладывали на завтра. В завершение беседы Майя Сергеевна прочла мне наизусть стихи Ольги Берггольц, которые отразили ее чувства и мысли:

– Давно отгремели могучие ливни,
всё отдано тихой и темною нивой...
Всё чаще от взгляда бываю счастливой,
всё реже и горше бываю ревнивой...
Вот видишь – проходит пора звездпада,
и, кажется, время навек разлучиться...
...А я лишь теперь понимаю, как надо
любить, и жалеть, и прощать, и прощаться.

Беседовала
Наталья БРЖЕСТОВСКАЯ.